

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье мне хотелось бы изложить наиболее общие представления о том, как должен строиться тот раздел синтаксического тома "Грамматики бурятского языка", планируемой на 90-е гг., который посвящен сложному предложению. При этом имеются в виду две цели: во-первых, вызвать по возможности более широкое обсуждение этого комплекса проблем с тем, чтобы учесть разные мнения при составлении плана-проспекта; во-вторых, сжато представить нынешнюю ситуацию в целом, т.е. показать, что уже проработано, где остались лакуны, в каких направлениях нужно сосредоточивать усилия.

Самый первый вопрос – о целях и предназначении этой "Грамматики" и соответственно о форме и языке описания, форме подачи материала. С одной стороны, хотелось бы ориентировать новую "Грамматику" на самый широкий круг национальной интеллигенции, а не только на узких специалистов-филологов. С другой стороны, в ней должны учитываться последние достижения языкознания, что подразумевает достаточно сложный понятийно-терминологический аппарат и формализованную строгую систему описания. Так, например,

в синтаксическом разделе должна решаться серия задач, связанных с инвентаризацией языковых единиц уровня сложного предложения, — следовательно, необходимо представление о модели сложного предложения (шире — полипредикативной конструкции) как языковой единицы в отличие от конкретных фраз как единиц речи, о дифференцирующих признаках модели, о критериях их выделения, о средствах формальной записи моделей (структурных схемах со специфическим набором условных обозначений) и т.д. Нужно найти способы совмещения строгого научного описания и "удобочитаемости", доступности для широкого читателя, включая и студентов, готовящихся по бурятской филологии, и преподавателей национальных школ.

Теперь хотелось бы остановиться на вопросе о структуре этого раздела "Грамматики". Прежде всего, как мне представляется, описание сложного (полипредикативного) предложения должно состоять из двух частей: в первой должны излагаться сведения о структуре, формальном устройстве бурятского сложного предложения, во второй — даваться функционально-семантическая классификация. Такая логика описания диктуется исходными теоретическими установками: действительно, если мы выделяем в качестве центральной единицы описания модель полипредикативной конструкции (ППК) как языковой знак, имеющий план выражения и план содержания, форму и значение, то должны быть описаны оба плана, применительно как к каждой выделяемой единице, так и ко всей системе единиц в целом.

От каких принятых ранее рубрик описания мы отказываемся? Прежде всего — от понятий "сочинение" и "подчинение". Как уже было показано, эти понятия базируются на традиционных списках "сочинительных" и "подчинительных" союзов, причем строгого семантического либо формального обоснования этому разбиению найти пока не удавалось (при применении строгих критериев получаемые списки союзов не совпадают с традиционным). Действительно, почему русский союз хотя считается подчинительным, а но — сочинительным, если оба они передают оттенки одного и того же отношения несоответствия ожиданиям? Поскольку же эти понятия остаются неопределенными, приложение их к другим языкам, особенно к языкам агглютинативного строя, каким является бурятский, может только запутать и исследователя, и читателя.

Далее, в этом описании будет отсутствовать традиционное противопоставление "простого предложения с причастным или деепричастным оборотом" и "сложного предложения". Разумеется, различия между ними — как и между разными степенями "развернутости" зависимой части с инфинитным глагольным сказуемым — будут фиксироваться и описываться. Но мы исходим из положения, что оба эти вида конструкций являются полипредикативными, хотя предикативность зависимой части здесь "разного качества", что они равно выражают некоторые отношения между событиями действительности, названными их частями, поэтому из системных соображений их следует описывать вместе. Более того, конструкции с "оборотами" составляют центральную, наиболее значимую часть поли-

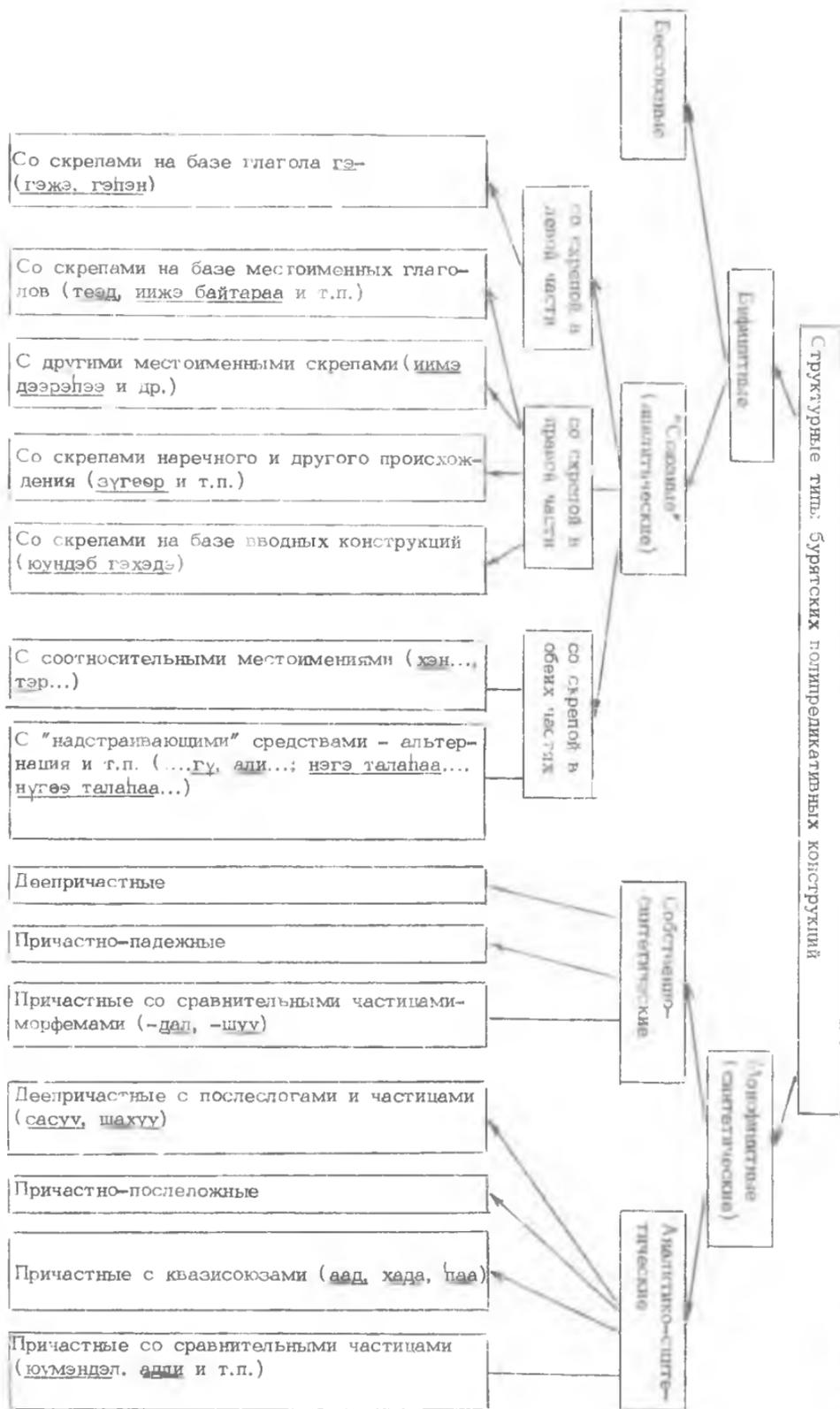
предикативного синтаксиса агглютинативных языков, тогда как "сложные предложения" европейского типа (т.е. с обеими частями, оформленными как независимое предложение, с финитными формами обоих сказуемых и аналитической связью между ними – связью через посредство служебного слова, союза) в этой системе достаточно периферийны². В традиционных описаниях предложения с "оборотами" относили к простым, хотя в синтаксисе простого предложения нет терминов для описания их самих и выражаемых ими отношений. В частности, поэтому им уделялось гораздо меньше внимания (и места), чем они того заслуживают, – тогда как про "сложные предложения" можно сказать как раз обратное³.

Хотелось бы, чтобы в новой "Грамматике" был представлен в единстве весь относящийся сюда языковой материал, все типы конструкций, выражающих отношение между двумя ситуациями действительности, – и с синтетическим способом связи (с инфинитным зависимым сказуемым – т.е. с "оборотами"), и с аналитическим (т.е. бифинитные конструкции со связью, выраженной отдельным служебным словом). Соответственно и в первой части, структурном описании, и во второй части, при описании семантических разрядов подпредикативных конструкций, давалась бы классификация всего материала в целом. Например, описание изъяснительных конструкций включало бы и модели с формой винительного падежа причастного зависимого сказуемого, управляемой со стороны главного сказуемого, и модели с делиберативными послелогом при причастных формах (тухай, тухайда, тушаа), и всю серию моделей со связующими средствами на базе служебного глагола говорения гэ- (гэжэ, гэһэн и др.)

Отметим еще, что в нашем описании все конструкции с наличием некоторого показателя связи (любого типа – и синтетического, и аналитического) будут противопоставлены предложениям без такого показателя, т.е. в традиционной терминологии – "бессоюзным". Еще не ясно, удастся ли описать их в терминах моделей и не относятся ли такие образования к уровню текста, а не собственно сложного предложения.

Итак, первая часть – структурное описание. Здесь имеется наибольший задел: составлена общая классификационная схема (схема 1), а также довольно детальная проработка левой ее ветви, синтетической⁴. Достаточно подробно описаны конструкции деепричастные, причастно-падежные, причастно-послеложные, причастные с "квасисоюзами" аад, хада и һаа, причастные определительные; менее подробно – причастные с частицами (в основном сравнительными).

Отметим, что все это сделано только для четырех основных причастий – на =ха, =һан, =аа и =даг (и их отрицательных аналогов =ха=гүй, =аа=гүй, =даг=гүй). Поскольку же, как известно, причастное предикативное склонение – система чрезвычайно идиоматизированная и наличие определенной причастно-падежной формы отнюдь не означает наличия формы этого же падежа у другого при-

частиа, то здесь остается еще большое белое пятно, которое, конечно же, хотелось бы заполнить.

О правой, аналитической ветви представление менее четко. Лучшее всего описаны конструкции с формой гэжэ⁶, но другие формы этого служебного глагола в связующей функции еще ждут изучения. Лишь в самом общем виде представляется вопрос о межфразовых скрепах на базе местоименных глаголов ии(гэ)= и тии(гэ)=⁷: уже ясно, что в основном они функционируют на уровне текста, открывая собой предложение или абзац (до 90% употреблений), однако условия их "проникновения" на уровень полипредикативного предложения и соотношение по семантике с синтетическими средствами связи требуют изучения. И разумеется, необходимо подключить сведения, накопленные по таким союзам различного происхождения, как зүгөөр, харин и т.п., а также по связующим средствам текстообразующего характера, организующим "сверхсложные" структуры: ...гү, али..., нэгэ талааа..., нүгөө талааа... и т.д.

Вторая часть должна содержать функционально-семантическое описание. Работа здесь только начата. Конечно, в процессе структурного описания отдельных моделей не могли не накапливаться сведения по их семантике. Выделялись и описывались также отдельные группы моделей, выделенные по семантическому признаку (временные, причинные и др.)⁸. Что же касается более крупных функционально-семантических типов, то, как это ни парадоксально, они наметились в ходе структурной классификации языкового материала.

При исследовании структурных типов и выявлении структурных характеристик моделей было установлено, что определенные формальные признаки моделей – характер использования в них временных форм, аффиксов отрицания и др. – объединяют между собой модели, относящиеся к разным структурным типам. Эти новые типы объединений – их оказалось три – удалось проинтерпретировать с функционально-семантической точки зрения, как три крупных смысловых класса моделей. Тем самым оказалось, что между структурными и функциональными классификациями моделей сложного предложения имеются определенные и очень значимые корреляции.

Из трех классов первый составляют конструкции с зависимой частью "обстоятельственной" семантики, выражающие разнообразные отношения между событиями действительности – временные, отношения обусловленности, сопоставительные и т.п. Их можно называть также диктум-диктумными (используя противопоставление терминов "модус" и "диктум" по Ш. Балли⁹) или конструкциями типа "действительность – действительность".

Второй класс – это конструкции типа "действительность – сознание", или модус-диктумные: они выражают различные виды отражения действительности в человеческом сознании. Зависимая часть здесь имеет присловный характер: она занимает обязательную, актантную позицию при сказуемом главной части – глаголе оперирования информацией ('знать', 'слышать' и т.д.), эмоции ('любить', 'сердиться' и др.), а также при именах и глаголах, называющих оценки, отношения и им подобные категории мыслительной деятель-

ности человека ('хорошо/плохо', 'улучшаться', 'одинаково', 'зависеть', 'зависимость' и т.п.).

Третий класс – это конструкции, передающие отношения кореферентности, выражающие связь двух событий действительности через некоторый общий для них объект: сюда входят конструкции определительные и отождествительные (ср. рус. Книга, которую я принес, лежит на столе и То, что я принес, лежит на столе).

Приведенная классификация отражена в схеме 2.

Как уже говорилось, каждый из этих классов характеризуется спецификой использования временных форм, показателей отрицания и т.д. Наиболее ярко это можно продемонстрировать на примере причастия "настояще-прошедшего времени" на =aa (у остальных временных причастий сдвиги в семантике менее заметны). В полипредикативных конструкциях третьего типа, "кореферентных", причастие на =aa используется и в положительной, и в отрицательной формах в относительном временном значении (одновременность): энеэжэ бай=гаа басаган 'улыбающаяся девушка'; харгын хажуугаар һуу=гаа хуһад 'березы, растущие (букв.: сидящие) вдоль дороги'. В модус-диктумных причастно-падежных конструкциях форма на =aa не используется вообще, а форма =aa=гүй служит отрицательным эквивалентом причастия прошедшего времени на =һан: Мун нюур шарайгаа хубилг=aa=гүй=е=нь яжа мэдэбэт? (Б. Мунгонов) 'Откуда вы знаете, что он не изменил сейчас свою внешность (лицо)?'. В диктум-диктумном, "обстоятельственом", классе используются две идиоматизированные падежные формы этого причастия – =aa=гүй=де 'пока не' и =aa=дуй=дэ 'пока еще не': Боро хараан бол=оо=гүй=дэ, хото хорёогойнгоо сала хамыш! (Г.-Д. Дамбаев) 'Пока не настали сумерки, смети снег в ограде!'. Здесь передается относительное значение предшествования с ограничительным оттенком. Кроме того, в этом классе форма на =aa может использоваться с квазисоюзами хада и һаа в значении ирреальной модальности: Орхёод ябаш=оо һаа=һнай, балай дадажашье ядаха үгы һэн (Б. Юндунов) – 'Если бы (вы) уехали, (ее) оставив, (она) привыкла бы без особого труда'. Как видим, в каждом из трех классов полипредикативных конструкций характер употребления и семантика формы на =aa существенно различаются.

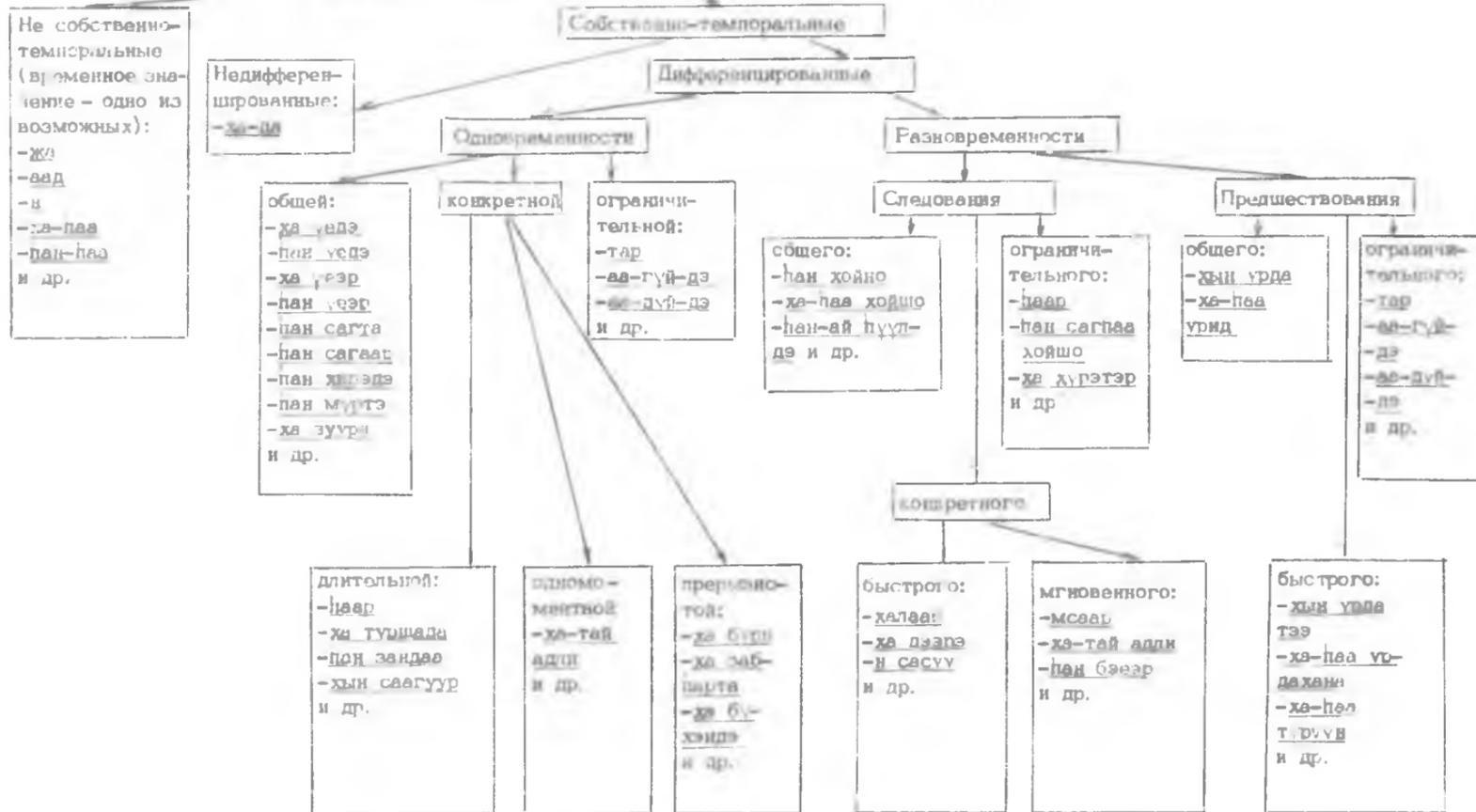
Нужно, однако, учесть, что функциональная классификация, отраженная в схеме 2, явилась результатом анализа лишь монофинитных, синтетических полипредикативных конструкций (хотя и с аналитическими уточнителями типа послелогов, частиц и др.). Нужно прежде всего проверить, обнаружатся ли аналогичные функциональные типы среди бифинитных, аналитических полипредикативных конструкций. Дальнейшая же задача – разработка более мелких функционально-семантических подтипов.

В этом направлении сделано довольно много в предшествующих описаниях, однако все же требуется серьезное дополнительное исследование. Например, рассмотрим, как обстоят дела с описанием модус-диктумного класса и входящих в него семантических групп моделей. Здесь выделены пока такие крупные группы: 1) опериро-

вание информацией, 2) эмоциональная реакция; 3) оценка; 4) установление отношений. Разумеется, входящие в них конструкции ранее уже изучались с разной степенью подробности и под разными углами зрения, но общей системной картины еще нет. Так, ясно, какие структурные типы конструкций войдут в группу оперирования информацией, – причастно-падежные, причастно-послесложные конструкции и конструкции с гэжэ; но каковы функционально-семантические отношения между ними? Сравним: Үсэгэлдэр кинодо ошо=фон=оо хэлээб – Үсэгэлдэр кинодо ошо=фон тухай=гаа хэлээб 'Я сказал, что вчера ходил в кино'; Тэрэнэй геолог бай=н=ые=нь мэдэнэб – Тэрэ геолог байнан гэжэ мэдэнэб – Тэрэниие геолог байнан гэжэ мэдэнэб '(Я) знаю, что он был геологом' и т.д. Каковы ограничения на строение зависимой части, связанные с лексико-семантическим типом глагола-сказуемого главной части? Какой может быть модельность зависимой части – и связано ли это опять же с семантикой главного сказуемого? И так далее... Аналогичные вопросы встают и по отношению к эмотивным, оценочным и другим подгруппам модус-диктумных конструкций, а ведь конструкции оперирования информацией по сравнению с ними описаны значительно лучше!

В диктум-диктумном классе, где конструкции передают отношения обстоятельственного характера, традиционно выделяются следующие подгруппы: темпоральная, сравнительно-сопоставительная и обусловленности. Для бурятского языка сравнительные конструкции остаются практически не описанными. В темпоральном блоке структура его и наполненность конкретными моделями более или менее ясны (схема 3), но необходима еще детальная проработка семантических отношений между моделями. Что касается блока обусловленности, то здесь многое неясно. Традиционно это понятие объединяет конструкции причинные, следственные, уступительные, условные и целевые. Однако непонятно, почему сюда входят только пять смысловых типов отношений? Принципиально ли это замкнутая система – или же просто другие подобные типы не попали в поле зрения исследователей? Каковы интегральные признаки этих пяти типов, т.е. каким набором сем должна обладать некоторая конструкция, чтобы ее можно было ввести в этот список под номером шестым? Можем ли мы отнести сюда конструкции предпочтения – 'чем', 'вместо того чтобы' с зависимым сказуемым в форме на =нхаар или =х=ын орондо: Юумэ хэнгүй нуу=х=ын орондо магазинда ошоод ерэ 'Чем сидеть без дела, сходи в магазин!'. Конструкции исключения – 'кроме того, что' с зависимым сказуемым в форме =ха=паа гадна: Үдэр соогоо ном унша=ха=наа гадна юушье хээгүй байхаш! 'Кроме того чтобы книги читать, (ты) весь день ничего не делал!'. Конструкции с послеслогом талаанда 'лишь бы': Ульгам шударгуу морёор хатар таби=х=ын талаанда хаанашье ошохо (Ц. Номтоев) 'Может куда угодно поехать, лишь бы быстрого коня пустить рысью'. Если эти конструкции не входят в блок обусловленности, то где их место? Все эти и многие другие вопросы при функционально-семантическом описании обойти невозможно.

Бурятские полипредикативные конструкции темпоральной семантики

Из третьего функционального класса, включающего определительные, определительно-отождествительные и отождествительные конструкции разных структурных типов, описаны в основном частные определительные конструкции. В гораздо меньшей мере затронуты конструкции с грамматикализовавшимися словами (номинаторами) хүн ('человек'), юмэн ('венц'), газар ('место'), а также их причастно-падежными и союзными аналогами; сравним: Бидэнэй шанааг-ые тэрэ эдихээшье һанаагүй 'То, что мы сварили, он даже не подумал есть'; Хэн ажалда дуратайб, тэрэ баян һайн һуудаг /Ажалда дуратай хүн баян һайн һуудаг 'Тот, кто любит работу, живет зажиточно'. Общее системное описание также пока отсутствует.

Таким образом, как представляется, для полного системного описания синтаксиса бурятского полипредикативного предложения в ближайшем будущем необходимо сосредоточить усилия прежде всего на функционально-семантическом описании моделей, их семантических группировок, отношений между группами и единицами внутри группы. Для студенческих дипломных работ, диссертационных и других исследований в сфере сложного (полипредикативного) предложения сейчас актуальны такие темы: система конструкций обусловленности (или более подробно: причинные, целевые, уступительные и другие конструкции); сравнительные конструкции; система темпоральных конструкций; средства выражения оперирования информацией, эмоциональной реакции, оценки в бурятском полипредикативном предложении; определительные и отождествительные конструкции.

Представим теперь примерный план предполагаемого синтаксического раздела.

Введение: обоснование структуры предлагаемого описания; история вопроса и теоретическая концепция исследования. Модель как языковая единица синтаксического уровня и принципы ее выделения. Варьирование модели.

Часть 1: Структурное описание.

1.1. Общее представление о формальной устроенности бурятских полипредикативных конструкций. Понятия синтеза и анализа при связи предикативных единиц; понятия зависимой предикативной единицы и скрепы. Морфологическая база бурятских полипредикативных конструкций: типы зависимых сказуемых (финитные и инфинитивные), типы скреп (синтетические – падежный аффикс, деепричастный аффикс и т.п.; аналитические – послелого, частицы, союзы разных видов).

1.2. Синтетическая подсистема. Формальная специфика зависимой части в конструкциях синтетического типа; понятие зависимой предикации (формы выражения грамматического субъекта, относительные категории зависимого сказуемого). Конкретные структурные типы конструкций: а) деепричастные; б) причастные беспадежные (определятельные); в) причастно-падежные; г) причастно-послеложные; д) причастные со служебными словами другого типа.

1.3. Аналитическая подсистема. Формальная устроенность зависимой части – близость к независимому простому предложению. Особенности строения некоторых конструкций со скрепой гэжэ; средства выражения в них моносубъектности. Конкретные структурные типы аналитических полипредикативных конструкций: 1) со скрепой в линейно левой части – скрепы на базе служебного глагола гэ= (гэжэ, гэһэн и др.); 2) со скрепой в линейно правой, финальной части – скрепы на базе местоименных глаголов тии(гэ)= и ии(гэ)=, на базе других местоименных форм, наречного и другого происхождения; 3) со скрепами в обеих частях – соотносительные местоимения в связующей функции (хэн..., тэр... и т.п.).

1.4. Конструкции, пограничные с собственно-полипредикативными. Средства усложнения полипредикативных биномов – скрепы типа ...гу, али...; средства организации текста – скрепы типа цэгэ талаһаа..., нүгөө талаһаа...; конструкции прямой речи.

1.5. "Бессоюзные" предложения.

Часть 2. Функционально-семантическое описание бурятских полипредикативных конструкций.

2.1. Общее представление о функциональных типах конструкций и параметры их выделения.

2.2. Диктум-диктумный функциональный класс (конструкции с зависимой частью обстоятельственной семантики). Общие характеристики; дальнейшая классификация. Система темпоральных конструкций. Система конструкций обусловленности: причинно-следственные, условные, уступительные, целевые и др. Система сравнительных и сопоставительных конструкций. Системные отношения внутри класса.

2.3. Модус-диктумный функциональный класс (конструкции, передающие отражение действительности в человеческом сознании). Общие характеристики: обязательное присутствие в главной части сильноуправляющего предиката, обуславливающего определенную форму сказуемого зависимой части. Основные семантические классы. Система конструкций, передающих оперирование информацией; их соотношение с конструкциями прямой речи. Лексико-семантические группы организующих эти конструкции глаголов, их влияние на параметры зависимой части (модальность/время, моносубъектность/разносубъектность и др.), Система конструкций эмоциональной реакции, их соотношение с причинными, типы главных сказуемых, характеристики зависимой части. Оценочные конструкции. Конструкции с именами отношений. Другие виды модус-диктумных конструкций. Системные отношения внутри класса.

2.4. Кореферентный функциональный класс (определительные и отождествительные конструкции). Сущность определительных отношений (снятая предикация) и отождествительных отношений (косвенное именование, знаковая эквивалентность). Типы определительных конструкций: собственно-определительные, определительно-исяснительные и др. Типы отождествительных конструкций.

Заключение: общая характеристика бурятского полипредикативного предложения. Тенденции развития системы, средства ее пополнения – источники возникновения новых моделей.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что одна из основных целей этой статьи – предложить материал для обсуждения, с тем, чтобы намеченный комплекс задач мог быть решен коллективными усилиями.

Примечания

¹ См.: Колосова Т.А., Черемисина М.И. О принципах классификации сложных предложений // *Вопр. языкознания.* – 1984. – № 6. – С. 69–80.

² Подробнее см.: Скрибник Е.К. О синтаксическом статусе конструкций с инфинитивными формами глагола в бурятском языке // *Проблемы монгольского языкознания.* – Новосибирск, 1988. – С. 85–93.

³ Ср., например: Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка: Синтаксис.* – М., 1962: “обороты” занимают 60 страниц (с. 117–177), “сложное предложение” – 133 (с. 178–311). Аналогичное соотношение и в других синтаксических работах: Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. *Буряад хэлэнэй синтаксис.* – Улан-Удэ, 1985: обороты – с. 64–71, сложное предложение – с. 89–128; Шагдаров Л.Д. *Буряад хэлэн. Хоёрдохи хуби.* Синтаксис. – Улан-Удэ, 1986: “обородууд” – с. 53–70; “сложно мэдүүлэл” – с. 105–161.

⁴ См.: Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций. – Новосибирск, 1986; Скрибник Е.К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке (структурно-семантическое описание). – Новосибирск, 1988.

⁵ Убрятова Е.И. *Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение.* – Кн. 1. – Новосибирск, 1976. – С. 102–142.

⁶ Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 233–231, 241, 243–244 и др.; Пюрбеев Г.Ц. *Типы сложных предложений в монгольских языках.* – М., 1979; см. также: Скрибник Е.К. *Модели бурятских полипредикативных конструкций с показателем гэжэ // Показатели связи в сложном предложении.* – Новосибирск, 1987.

⁷ Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 211–220 и др.; Пюрбеев Г.Ц. *Типы сложных предложений...*; Скрибник Е.К. *О синтаксическом статусе...* – С. 89. Отметим, что Т.А. Бертагаев при объяснении использования местоименных союзов в начале предложения или абзаца придерживался той точки зрения, что здесь налицо “дезинтеграция, или распад, предложений” (Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. *Грамматика бурятского языка.* – С. 293). Если так, то бурятское

сложное предложение "распалось" довольно основательно, – как уже говорилось, около 90% употребления этих скреп приходится именно на межфразовую функцию.

⁸ См., например, классификацию сложных предложений и "предложений с оборотами" в уже названных синтаксических описаниях бурятского языка.

⁹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955. – С. 43–45; см. также: Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск, 1987.